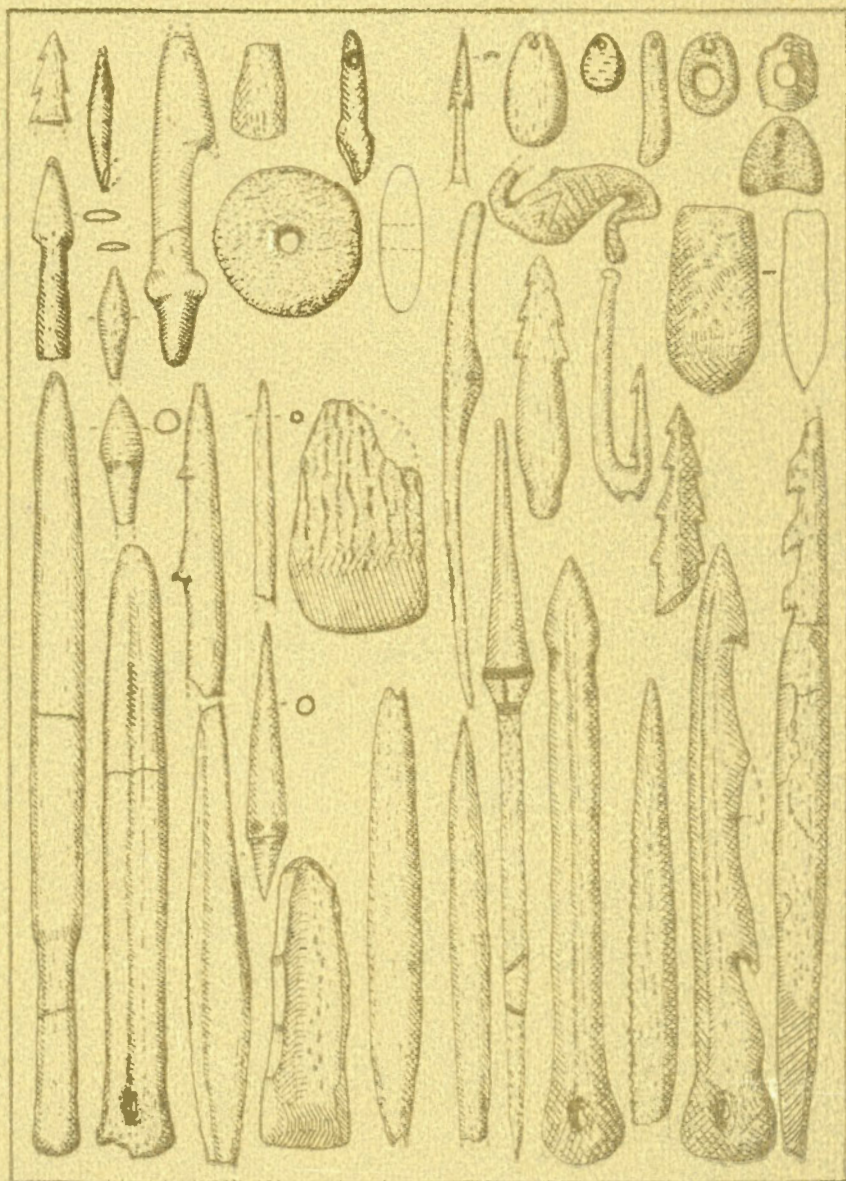

Древности Литвы и Белоруссии

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР

Древности Литвы и Белоруссии

Вильнюс „Мокслас” 1988

кремня. Наличие в инвентаре резцов срединного типа, рубящих орудий, изделий типа „пик” дает основание предварительно датировать памятник временем позднего мезолита. Планируемые в будущем стационарные исследования позволят уточнить характер и датировку памятника.

„УТОЧКА” В ВЕРОВАНИЯХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН БЕЛОРУССИИ

Н. Н. Кривальцевич

Изучение духовной культуры древнейших племен — составная часть процесса познания первобытной истории. Однако это сопряжено с рядом трудностей и прежде всего скудностью фактов, сложностью раскрытия семантики древних произведений. В настоящей статье освещаются лишь один из элементов богатого мира, порожденного сознанием первобытного человека неолитической эпохи: два рисунка, так называемые „уточка” и „охотник” из поселений, открытых на территории Белоруссии.

Ареал распространения изображений водоплавающих птиц охватывает пространство от Зауралья до Прибалтики. Птицы наносились на глиняные сосуды в форме стилизованных рисунков, вплетались в орнаментационные мотивы, изготавливались в объемном виде из кости, кремня, дерева (иногда в форме ковшей с утиной головой).

П. Н. Третьяков в 1966 г. писал, что традиции изображения водоплавающих птиц распространили на остальную территорию Восточной Европы уральско-камские племена, и связывал их с культом финно-угров¹. В. Ф. Исаенко отмечал, имея в виду мнение П. Н. Третьякова, что необходимо „более осторожно относиться к подобному этническому признаку”, так как изображения „уточек” были найдены далеко к юго-западу от финно-угорского ареала и на территории других археологических культур. Речь шла об указанных выше находках из Белоруссии, которые к тому же, как заметил В. Ф. Исаенко, датируются на целое тысячелетие более ранним временем². О существенных отличиях „уточек” из Белоруссии в отношении способа их выполнения писала в свое время Н. Н. Гурина³. Таким образом два этих рисунка представляют несомненный интерес для исследователей.

¹Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Л., 1966. С. 58—59.

²Исаенко В. Ф. Неолитический сосуд с рисунками из Белоруссии // СА. 1971. № 2. С. 211—213.

³Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических племен // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 40—44.

Обломок сосуда эпохи неолита с рисунком „уточка” и „охотника” (рис. 1:1) найден на поселении Юревичи III (Литвин I) около д. Юревичи Калинковичского района Гомельской области. „Неолитический этюд” датируется серединой—второй половиной III тысячелетия до н. э.⁴ Неолитические традиции Восточного Полесья Белоруссии складывались на основе местного мезолита под влиянием соседей с юго-востока. Начало неолитическим культурам было положено появлением здесь древнейшей гребенчатой керамики Полесья, эпицентром ранней фазы которой явилось Западное Полесье. В области культур с гребенчатой керамикой выделялась днепро-донецкая культура, к позднему этапу которой и принадлежит стоянка Юревичи III (Литвин I)⁵. В. Ф. Исаенко согласен с мнением А. Гардавского, Д. Я. Телегина, предполагающих, что племена днепро-донецкой и родственных ей культур были древнейшими индоевропейцами⁶.

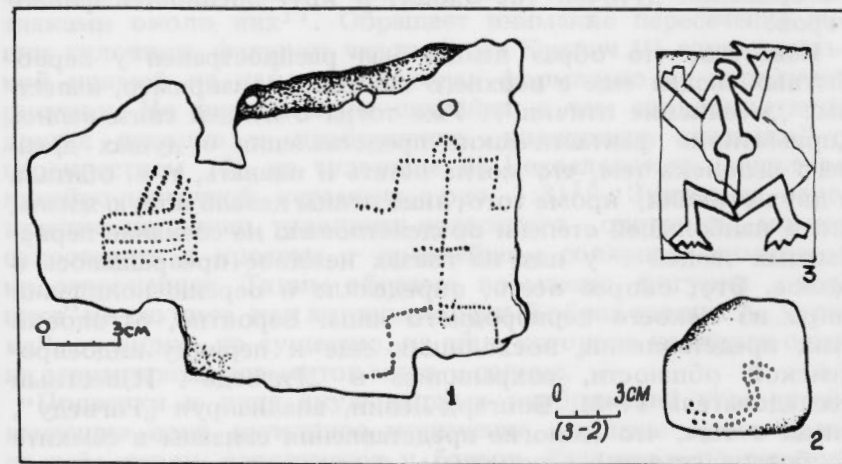

Рис. 1. Неолитические изображения „уточка” и „охотника” из Белоруссии (1—2) и Чехословакии (3)

Второй обломок глиняного сосуда с изображением „уточка” (рис. 1:2) найден в культурном слое поселения Кривина I (у д. Головск Сенненского района Витебской области) на реке Кривина — южном притоке Западной Двины. Кривина I входит в группу поселений Кривинского торфяника.

⁴Исаенко В. Ф. Неолитический сосуд. С. 211.

⁵Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976. С. 115.

⁶Там же. С. 118—119.

Фрагмент с изображением „уточки” обнаружен среди самой ранней керамики и датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. (II этап кривинского варианта нарвской культуры⁸). Местная неолитическая культура II этапа сформировалась на основе предшествующего раннего неолита юго-западного Поозерья (типа Зацэнья), который был близок материалам днепро-донецкой и неманской культур, но наибольшее сходство имел с ранненарвскими древностями⁹. II этап неолита юго-западного Поозерья озаменовался проникновением во второй половине III тысячелетия до н. э. инородных племен, очевидно, финно-угорского происхождения. Однако эти племена были немногочисленными, жили короткое время среди местного, более древнего населения. Именно этому местному древнему населению и принадлежали памятники на Кривинском торфянике, которые появились здесь немногим ранее¹⁰.

Таким образом, на основании археологического материала можно утверждать, что найденные на территории Белоруссии изображения „уточек” не входят в круг древностей финно-угров.

Известно, что образ птицы был распространен у первобытных людей еще с верхнего палеолита (например, известные „мезинские птички”). Уже тогда с птицей связывались „примитивно фантастические представления о душах древнего человека тем, что могла летать и плавать, т. е. обитала в двух стихиях; кроме того, яйцо птицы давало новую жизнь, что в наибольшей степени воздействовало на сознание первобытных людей — у них на глазах неживое превращалось в живое. Это, скорее всего, определило и версию появления мира из некоего первородного яйца. Вероятно, отголоски этих представлений, восходящих еще к периоду индоевропейской общности, сохранились в „Ригведе”. Известный исследователь Г. М. Бонгард-Левин, анализируя „Ригведу”, писал о том, что „многие представления связаны в самхите (собрание гимнов) с понятием „первого зародыша” („прат-хама гарбха”) — золотого яйца (брахманды), которое возникает в первозданном океане и в котором заключены были

⁷Чернявский М. М. Хозяйство и духовная культура неолитических поселений Понеманья и юго-западного Поозерья // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 225.

⁸Чернявский М. М. Неолит Северо-западной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1971. С. 10, 16—17.

⁹Там же. С. 10.

¹⁰Исаенко В. Ф. Неолит // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Ч. 1. С. 94.

¹¹Столяр А. Д. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 62.

прообразы всех существ”¹². В других источниках рисуется сложная картина возникновения и становления мира в результате разделения „золотого зародыша” на две полусферы, одна из которых стала небом, а другая — землей”¹³. Далее автор отмечает: „...поразительные совпадения прослеживаются в „Ригведе” и древнегреческих источниках, что свидетельствует, очевидно, о генетическом родстве, восходящем к далекой эпохе индоевропейской общности”¹⁴.

В первых рунах карело-финского народного эпоса „Калевала” приводятся древнейшие предания, относящиеся, по всей вероятности, к периоду разложения родового строя¹⁵. Почитаемая утка (реже гусь) представляется здесь в качестве существа, снесшего яйцо, из определенных частей которого возникают земля, небесный свод, солнце, месяц, тучи¹⁶.

На „неолитическом этюде” из Полесья обнаружена стилизованная фигурка человека (так называемый „охотник”). Каким образом „охотник” связан с „уточкой”? Замечено, что очень часто птицы в неолите изображаются с соляными знаками около них¹⁷. Обращает внимание пересечение линии туловища фигурки человека из Юревич III горизонтальной прямой из наколов, которая формально не дополняет рисунок. Но она здесь не случайна, о чем свидетельствует другая находка — изображение „пляшущего человека” с перекрестием (?) на туловище из Чехословакии (культура линейно-ленточной керамики; рис. 1:3)¹⁸. Зрительно перекрестие на линии туловища полесского „охотника” можно сопоставить с крестом — древнейшим соляным символом индоевропейцев. Таким образом, возможно, фигурка „охотника” не что иное, как антропоморфный образ солнца. А „уточка”, очевидно, то существо, из яйца которого появился один из структурных элементов мира — солнце.

Подвески в виде скульптурных изображений уток-гусей, имеющие явно культовое назначение, найдены среди древностей славян, встречаются у балтов. Различные по технике

¹²Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия. Наука. Религия. М., 1980. С. 42.

¹³Там же.

¹⁴Там же.

¹⁵Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 117.

¹⁶Калевала. М., 1956. С. 25—26.

¹⁷Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 91.

¹⁸Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 226.

исполнения фигурки и рисунки уток-гусей известны у латенских и гальштатских племен, т. е. у потомков некогда распавшейся индоевропейской общности.

Этот образ вроде бы дошел до нашего времени у восточнославянских народов. Например, значительное место в белорусском фольклоре отводится птице-утке. В героико-эпических произведениях белорусов „Пра Івана-Дарагана”, „Васька-Папьялышка” яйцо утки заключает в себе жизненную силу злого существа¹⁹. Об утке поется во многих белорусских народных песнях, где в этом образе олицетворяются любовь, верность, материнство, чадородие. Такую же смысловую нагрузку несут некоторые элементы обрядовой пластики белорусов. Например, на Борисовщине (Минская область) в центре каравая жениха помещали фигурки „качара”, невесты — „качачкі”. Вокруг уток выкладывались кольца из яиц²⁰. Утки из теста украшали каравай на Гомельщине, Брестчине, Гродненщине. Изображения водоплавающих птиц, в частности уток, в значительном количестве присутствуют в русском²¹, белорусском народных орнаментах²². В известной русской сказе о Кошце Бессмертном жизнь его заключена в утином яйце. В других русских народных произведениях „яйцо и яичница считались магическим средством, которое обеспечивало молодым чадородие, яйцо — символ плодородия и жизненной силы”²³.

В завершение хотелось бы указать на присутствие в белорусской, русской орнаментике, обрядовой пластике белорусов символического изображения легендарного в глубокой древности Дерева жизни. Причем этот символ очень часто сопутствует фигуркам птиц, в частности уток-гусей. Обычно символическое дерево помещалось между сидящими клювами друг к другу птицами.

Таким образом, правомерно сделать вывод, что рассматриваемые изображения „уточек” и „охотника”, очевидно, принадлежали древнейшим индоевропейцам. С образами утки и изначального яйца связывались в древности, по крайней мере на определенном этапе, космогонические представления, отголоски которых дошли до нашего времени.

¹⁹Беларускі эпас. Мінск, 1959. С. 130—131.

²⁰Сахута Я. М. Абрадовая пластика // ПГКБ. 1982. № 2. С. 24—27.

²¹Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 57.

²²Беларускае народнае мастацтва. Мінск, 1951. Т. 1. С. 36, 59—60.

²³Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1977. С. 98.

Э. М. Зайковский

В эпоху неолита на севере Белоруссии существовало несколько археологических культур. Ранний неолит западной части района известен пока лишь по поселению, расположенному на торфянике у д. Заценья Логойского района Минской области и исследованному М. М. Чернявским. На поселении обнаружены материалы раннего и позднего неолита, средней бронзы. Ранненеолитическая керамика представлена фрагментами широкооткрытых остроокруглодонных горшков серого цвета со слегка выпуклым корпусом и преимущественно прямыми венчиками, слепленными способом косо-го прилепа из широких глиняных лент. Края венчиков чаще всего слегка утончены, по срезам нанесены поперечные насечки или вмятины, иногда узор есть и на внутренней части. Тесто горшков содержит примеси растительных остатков и толченых раковин. Внутренние и внешние поверхности стенок, толщина которых 6—8 мм, покрыты преимущественно подгоризонтальными расчесами гребенки. Элементы орнамента состоят из тонких и обычно слегка изогнутых отпечатков гребенчатого штампа (около 50% всех орнаментированных обломков), невыразительных наколов-ямок, насечек, близких по внешнему облику гребенчатым отпечаткам. Более половины фрагментов вовсе лишено орнаментации. Орнамент в виде редких поясов располагался в верхней части сосудов, иногда только под венчиком (рис. 1:1).

Керамике сопутствовали костяные биконические наконечники стрел, долотообразные костяные изделия, напоминающие „орудия под углом 45°”, мотыгообразные орудия и широкие роговые мотыги с просверленными отверстиями. Кроме того, встречаются листовидные кремневые наконечники стрел и другие орудия (рис. 2:1).

По мнению М. М. Чернявского, керамика из нижнего слоя ранненеолитических находок нарвской культуры в Прибалтике по ряду признаков сходна с материалами струмельского или струмельскогостягинского типа Среднего Поднепровья, относящимися к концу V—IV тыс. до н. э. По радиоуглеродному анализу возраст Заценья определен в 3580±60 лет до н. э. (ЛЕ-960)¹. Эта датировка подтверждается и данными споровопыльцевого анализа, который показал, что период развития растительности, синхронной поселению, характе-

¹Долуханов П. М., Левковская Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А., Чернявский М. М. Палеогеография и абсолютная хронология стоянки Заценья // Доклады АН БССР. 1976. Т. 20, № 9. С. 819.